

А. Н. Кириллов

ВОЙСКОВЫЕ СТРЕЛЬБИЩА В ОКРЕСТНОСТЯХ НОВГОРОДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце XIX – начале XX в. в Новгороде на временной и постоянной основе квартировали разные воинские части и подразделения. В отдельные периоды численность военных новгородского гарнизона составляла до четверти всего городского населения. Во время пребывания в губернском центре войсками в целях обучения и поддержания боевой готовности регулярно или одновременно организовывались стрельбы и другие полевые учения, для проведения которых использовались участки земли, расположенные вблизи города. В историографии вопросы о войсковых стрельбищах в окрестностях Новгорода до настоящего времени не исследованы.

Целью данной работы является установление местоположения стрельбищ для войск новгородского гарнизона, условий проведения стрельб и порядка отвода земель под них в период с 1870-х по 1910-е гг., рассмотрение характера взаимоотношений военных с местной администрацией и населением применительно к этим вопросам. Источником для статьи послужили архивные материалы из фондов Государственного архива Новгородской области и, в меньшей степени, данные из периодической печати того времени.

В начале мая 1872 г. в Новгородскую городскую управу поступило прошение от командира 88-го пехотного Петровского полка с просьбой об отводе земли «в самом непродолжительном времени» для практических стрельб. Из ответа управы следовало, что в связи с прокладкой в минувшем году железной дороги и нехваткой из-за этого выгонной земли для пастбы городского скота изыскать территорию под стрельбище «сделалось почти невозможным». При этом оговаривалось, что полк может просить отвод участка, на котором производит стрельбы артиллерия, у крестьян Никольской слободы, являвшихся собственниками той земли.

Между тем, уже буквально через неделю пехотному полку понадобилась земля для обучения нижних чинов саперному делу и

землекопным работам. Городские власти, ссылаясь на циркуляр из Министерства внутренних дел о мерах к сокращению расходов из Государственных земельных повинностей и о порядке отвода земель, для решения этого вопроса отсылают командира полка к губернатору. В свою очередь, начальник губернии Э. В. Лерхе, указывая на статьи Устава о земских повинностях и приговор новгородского городского общества 1867 г., рекомендует управе определить для полка местность, находящуюся в двух верстах от Новгорода по левую сторону Петербургского шоссе, ранее установленную для размещения военных частей лагерем. В случае же, если она окажется неудобной, «приискать другое место».

Для согласования условий отвода земли с полком управой назначается один из ее членов – отставной майор А. К. Бардашевич. Учитывая, что военные просили землю не под лагерь, а для саперных учений, ему предписано предупредить командира полка, что «если это может угрожать опасностью» для проезжающих по дороге людей и прогоняемому скоту, или поле в результате учений окажется изрыто ямами, то «город не может изъявить согласие на отвод этой земли».

В начале июня 1872 г. комиссия, состоявшая из полицмейстера, депутата от пехотного полка, и А. К. Бардашевича, осмотрев свободную от выгонов землю на предмет возможного проведения полевых саперных работ, нашли местность для этого «неудобной» ввиду сырого и водянистого грунта и недостаточной площади¹.

Весной следующего года на городской земле за Петербургской заставой, в обозначенной выше местности, с некоторым уточнением местоположения участка – «в четверти версты от железной дороги по левую сторону оной», была отведена земля для «учебно-практических» стрельб 95-го пехотного Красноярского полка. В составленном при приемке участка акте, подписанном полковым заведующим оружием поручиком Игониным, был прописан ряд условий. Во-первых, во время проезда в свое имение отставного капитана и мирового судьи К. Ф. Масловского по данному им знаку следовало на несколько минут прекращать стрельбу. Во-вторых, необходимо было «предотвращать случаи опасности от стрельбы во время прогонов на пастьбу городского скота, а также проходящих и проезжающих по ближайшим дорогам», для чего должны были быть выставлены «часовые махальные, конные или пешие»².

В мае 1874 г. в Новгородское полицейское управление поступило ходатайство от командования 145-го пехотного Новочеркасского полка, несшего в городе караульную службу, об указании места для проведе-

¹ Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО). Ф. 104. Оп. 2. Д. 30. Л. 1, 2, 3 об.-10, 12.

² ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 86. Л. 5–5 об.

ния «учений с применением к местности». Отношение было передано к исполнению в городскую управу, которая, чтобы «сделать удобное полку», согласилась отвести бесплатно землю для стрельб «за Петербургскую заставою на второй версте по левую сторону шоссе» с непременным условием, что стрельбы будут производиться строго в назначенное время с принятием всех мер предосторожности. Для практических же занятий на местности «с применением предметов, как то селений, бугров, кустарников и т. п., при небольшом маневрировании» полку членом управы Бардашевичем был предложен за плату участок выгонной земли за Старой Никольской слободой, именуемый Вересьем. В середине июня начальством полка был изложен управе весь комплекс предусмотренных учений. Кроме стрельбы на 1000 шагов, военные предполагали провести занятия по саперным работам и глазомерному определению расстояния, учения сторожевой и разведывательной служб, малые (двусторонние) и большие (всех частей полка) маневры. Отказываясь от места, указанного Бардашевичем³, ввиду его непригодности и удаленности от пункта квартирования полка (на 8 верст), командир просил о «неотлагательном» отводе другого участка земли, опасаясь, в противном случае, не закончить курса летних занятий.

20 июня 1874 г.⁴ был составлен акт по отводу земель для учений и стрельб 145-го пехотного полка. Для учений и маневров отводился участок земли на городском выгоне Софийской части (без точного указания его местоположения), а для стрельб – уже упоминаемое выше место «на второй версте за Петербургскою заставою», где устроены земляные валы по левую сторону линии железной дороги. В проведении саперных работ и полковых учений на местности, связанных с нарушением почвенного слоя, военным было отказано. Особо оговаривалось прекращение стрельбы по данному «платком или чем другим» знаку во время проезда из имения К. Ф. Масловского и выставления «цепи махательных» для предупреждения несчастных случаев. Во время же прогона на пастбище скота следовало «не мешать пастись стадам и не пугать оных». Для приема отведенной земли и составления о том акта командировались полковой жалонер подпоручик Михайлов и батальонный адъютант прапорщик Корнилов⁵.

В начале июля 1874 г. в управу поступило заявление от «земле-владельца капитана» К. Ф. Масловского, который, «единственно из чувства самосохранения», обращал внимание управы на опасность для людей и скота, возникающую при стрельбах Новочеркасского полка.

³ В данном случае местонахождение участка было определено, как «на Старой Московской дороге под Деревяницким монастырем».

⁴ Все даты приведены по старому стилю.

⁵ ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 88. Л. 1–3 об., 5–8.

Валы «закрытий» на стрельбище располагались вблизи от дороги, ведущей к усадьбе Масловского, параллельно ей. На практике обусловленные договором с войсками условия по безопасности – немедленного пропуска во время стрельбы проезжавших, подававших знак белым платком, и остановки стрельб – не выполнялись. Чтобы его заявление не сочли «фантазией», Масловским было приведено несколько фактов. Вот выдержки из его заявления: «В прошлом году, однажды ехавши по дороге и не видя охранной цепи, я, конечно, не остановился и, поровнявшись с валом, очутился под огнем войска, стреляющего на 1200 шагов и принятого мною как по далекому расстоянию, так и по отсутствию вестовых, за маневрирующие части; другой раз, моя жена со своими сестрами, проходя пешком в город, была пропущена войсками, стреляющими в 1-й вал от усадьбы, и когда жена миновала его, то войска продолжили ее [стрельбу], а часть, стреляющая во второй вал, стрельбы еще не прекратила, через это проходящие остановились между двух огней. Наконец, 20 июня нынешнего года, возвращаясь с женой из города, я был остановлен вестовым, так как в это самое время был дан сигнал стрелять, выждав, по сигналу «отбой» с пропуском вестового я поехал, но лишь поровнялся с валами, как стрельбу снова открыли, и одна пуля просвистела над нашими головами, так что жена в испуге прилегла вниз. При объяснении моем с полковником, распорядившимся в тот день стрельбою, он объяснил этот случай недоразумением...»⁶

Судя по заявлению Масловского, он мог представить еще много лиц, с которыми происходили подобные случаи. Кроме того, землевладелец обращал внимание на свои и соседские хозяйственные издержки, связанные с задержкой движения обозов, проезжавших мимо стрельбища. Подчас за день обозы вместо обычных четырех «оборотов» успевали сделать лишь два. Выход из столь затруднительного и опасного для себя и своих соседей положения Масловский видел в возможном назначении управой иного места для стрельб. Городские власти, не видя другого более безопасного места для стрельбища, призвали командование Новочеркасского полка принять самые тщательные меры предосторожности для предотвращения всякой опасности для обывателей и исключения последующих жалоб с их стороны, грозя, в случае нарушений военными принятых обязательств, отказать им в отводе земли⁷.

Не обходилось на стрельбах и без происшествий среди личного состава воинских подразделений. Так, 25 июля 1875 г. во время «практической» стрельбы музыкантов 85-го пехотного полка фельдфебель Горшков при зарядании револьвера и переводе у него барабана не удержал курка, в результате чего произошел выстрел. Пуля попала в позво-

⁶ ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 88. Л. 9–9 об.

⁷ Там же. Л. 9–13 об.

ночник стоявшего впереди батальонного горниста Ицку Каршвана и прошла навывлет. Пострадавший к вечеру того же дня умер⁸.

Из прошения в городскую управу Новгородского уездного воинского начальника в апреле 1876 г. об отводе «помещения» для стрельбы вблизи казармы местной воинской команды узнаем, что таковое ранее там существовало. При этом полковник сообщал управе, что стрельба будет производиться командой из 30–40 человек рано утром и продолжаться не более часа, а он лично примет все меры, чтобы занятия никому не мешали. Воинский начальник, прося ускорить решение, чтобы до мая появилась возможность устройства вала и ямы, в конце концов «изъявил согласие» на отведение для стрельбы места за железнодорожным полотном параллельно Петербургскому шоссе.

В начале апреля 1878 г. место под стрельбище понадобилось 53-му пехотному резервному батальону, временно квартировавшему в Новгороде и готовившемуся «в самом непродолжительном времени» выступить в поход. В батальоне находилось около 300 молодых солдат, еще не стрелявших боевыми патронами, с которыми необходимо было пройти курс стрельбы. Командир батальона просил выделить на срок до 10 дней место, где проводит стрельбы местный батальон. Практически одновременно с ним о выделении участка «для цельной стрельбы» ходатайствовал Новгородский уездный воинский начальник для «подведомственного» ему батальона. К тому времени, как управой обоим пехотным подразделениям было отведено место за Никольской слободой «на вересье», 53-й резервный батальон успел покинуть губернский центр и выступить в поход. Вместе с членом управы Бардашевичем отведенный участок осматривал лишь командированный для приемки поручик местного батальона Костышев⁹.

Осенью 1878 г. согласно предписанию начальника 22-й пехотной дивизии командир 85-го пехотного полка обратился в новгородскую думу с просьбой о выделении удобного места вблизи казарм под устройство тира для стрельбы зимой. Предполагалось соорудить тир длиной от 200 до 400 шагов. Городская управа поручила все тому же Бардашевичу отвести бесплатно место, но там, где «признано будет <...> удобно и безопасно для обывателей». В самом начале октября представителю полка поручику Мантейфелю 2-му был указан тот же участок «на вересье» за Никольской слободой, «где производится постоянно стрельбы в цель всеми войсками, квартирующими в Новгороде»¹⁰.

Летом 1879 г. командир 2-го пехотного резервного кадрового

⁸ Происшествия // Новгородские губернские ведомости (далее – НГВ). 1875. № 31. С. 7.

⁹ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 296. Л. 1–3.

¹⁰ Там же. Л. 4–9 об.

батальона просил городскую управу «немедленно сделать зависящее распоряжение об отводе места для производства боевой стрельбы». В прошении оговаривался и размер испрашиваемого под стрельбище участка: 1 верста в ширину и 3 версты в длину. Одновременно участок для стрельбища оказался необходим и 85-му пехотному Выборгскому полку. Для своевременного выделения места для стрельб потребовалось вмешательство губернского воинского начальника и, в очередной раз, лично губернатора Э. В. Лерхе. В результате городскими властями был предложен упоминаемый выше участок, известный под названием «Вересье», который находился на выгонных землях 2-й части города за Никольской слободой. Он, начинаясь от поворота дороги к Деревяницкому монастырю, протягивался в направлении Хутынского монастыря. Участок захватывал часть выгона крестьян Никольской слободы, для вовлечения которой в отводимую землю необходимо было обратиться в земскую уездную управу.

Выехавшим вместе с Бардашевичем на местность представителям от пехотных подразделений местность показалась, хотя и ровной, но кочковатой и сырой, требовалось проведение канав для спуска воды. В приеме указанного им места земли для стрельбища военные депутаты отказались. Других пригодных для стрельб пустопорожных земель у города не имелось, о чем впоследствии городской голова доносил губернатору¹¹.

Из представленного в начале июля 1881 г. Новгородским уездным исправником губернскому распорядительному комитету акта по осмотру пригодности территории выгона во 2-й Торговой части для стрельб 2-го пехотного резервного кадрового батальона и 85-го пехотного Выборгского полка видно, что Никольский сельский староста, находившийся при измерении участка, указал место, «весьма возможное» для расположения стрельбища. Довольно ровная и сухая, но относительно бесплодная, кое-где кочковатая и поросшая мелким вересковым кустарником местность располагалась «немного левее от [старого стрельбищенского] вала по направлению к видимой верстах в 4–5 роще Хутынского монастыря» и относилась к городской земле. Для обустройства на нем стрельбища рекомендовалось перенести вал, «взяв несколько левее и отсчитав 1200 шагов от края земли, арендуемой крестьянином Бендером», тогда бы позади вала оставалось достаточно большое пространство, далеко превышающее 1300 шагов. Отводом именно этого участка каким-то образом намеревались сохранить казне 600 руб.

Неделю позже в своем донесении член управы Бардашевич докладывал, что местность, указанная им представителям вышеназванных воинских частей, принадлежит городу и «вместе с остальным

¹¹ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 298. Л. 1–8.

пространством так называемого Вересья» с начала весны до конца июля используется под пастьбу рогатого скота всех жителей Торговой стороны. По его мнению, несмотря на то, что «за отсутствием городских ухожий» другой земли под выгон не имеется, «во внимание к потребностям войска необходимо согласиться на временную уступку <...> части означенной местности»¹².

В начале 1894 г. по ходатайству командования Выборгского полка городская дума предоставляет в бесплатное пользование под стрельбище полку земли на выгоне Софийской стороны сроком на 3 года. Арендванный участок при ширине всего в 80 саж. имел протяженность от восточной границы выгона до реки Веряжи. Военные осушили земли под стрельбищем и соорудили специальные валы¹³.

В феврале 1896 г. проводилась «пробная мобилизация» в 5-й батарее 22-й артиллерийской бригады. После однодневной мобилизации, заключающейся в подготовке походного имущества, главным образом, боевого комплекта, часть выступила в десятиверстный поход до позиций (весь маршрут с возвращением составлял около 20 верст), где было намечено проведение боевых стрельб. Местом для полигона служил городской выгон, расположенный южнее дороги, ведущей от Петербургского шоссе в Григорово. Батареей предполагалось занять позиции за железнодорожным полотном. Мишени были поставлены на расстоянии около 2 верст к западу от орудийных позиций «перед оврагом», тянущемся от Григорова «к мельнице»¹⁴. Вероятно, речь идет о долине реки Веряжи. Мишени изображали шесть орудий с прислугой, поставленные за сооруженные из снега укрытия. Зимние стрельбы имели особую специфику, заключающуюся как в трудности наблюдения за падением снарядов на снегу, так и в эффекте возникновения оптической иллюзии приближения предметов на снежном покрове, особенно опасном для неопытного глаза.

В местных «Губернских ведомостях» по такому случаю решили даже коротко ознакомить обывателей, «незнакомых с сутью артиллерийского дела», с особенностями подобных стрельб. Редакционные разъяснения, в частности, выглядели так: «успех стрельбы <...> заключается в том, чтобы гранаты (рвущиеся на земле) попадали непосредственно в снеговую насыпь, ибо падающие перед насыпью никакого вреда не сделают, так как поверх закрытий будут видны только небольшие верхушки их. Шрапнели, т. е. снаряды, рвущиеся на

¹² ГАНУ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 414. Л. 1–3 об.

¹³ ГАНУ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 862. Л. 1–3, 5.

¹⁴ Место у крутого изгиба руслу Веряжи в нескольких сотнях метров ниже по течению реки от Григорова среди местных старожилов до сегодняшнего дня известно под названием «Батарея». Отголосок ли это событий тех лет или более поздних, связанных с периодом Великой Отечественной войны, остается неясным.

воздухе, тогда только будут рваться перед ними в весьма недалеком расстоянии, т. е. приблизительно на 5 саж. выше и на 30 саж. перед мишенью». Инспектировать учебные стрельбы намеревались командир 1-го армейского корпуса генерал от инфантерии М. П. Данилов, начальник артиллерии корпуса генерал-лейтенант А. Н. Данилов и начальник учебного артиллерийского полигона Петербургского военного округа полковник Адоссовский¹⁵.

После окончания в 1897 г. оговоренного трехлетнего срока отвода под стрельбище выгона Софийской стороны местные власти «ради сохранения всегдашних добрых отношений города к расположенному в нем военному гарнизону» вновь уступают 85-му пехотному полку в бесплатное арендное содержание на 3 года то же самое место, как «находящееся в должном расстоянии от казарм и вполне приспособленное полком для означенной цели». Предложенный некоторыми думскими гласными участок земли на Торговой стороне «на Вересье» большинством был отклонен, главным образом, из-за его отдаленности. Многие также согласились, что земляные работы на новом участке могут нанести вред выгонной земле, тогда как командование полка завершило, что прежнее место полностью приведено в надлежащее для стрельб состояние, и больше никаких работ на нем проводиться не будет.

При приемке участка в мае 1897 г. уполномоченный от полка заведующий хозяйственной частью подполковник Н. Г. Торчаловский подписал акт, по которому военные обязывались выполнять ряд условий: 1) Не производить стрельбы с 11 час. утра до 2 час. дня в период с 25 апреля по 31 октября, чтобы в течение этого времени пасущийся городской скот беспрепятственно мог пользоваться водопоем на Веряже. 2) Ежедневно заканчивать стрельбы: с 1 мая по 1 июня – к 8 час. вечера; с 1 июня по 1 июля – к 6 час. вечера; с 1 июля по 31 октября – в 4 час. дня. 3) Не допускать снятия дерна на отведенном участке как для обшивки валов, так и для отыскивания пуль. При надобности иметь дерн полк обязуется приобретать его «с воли от частных торговцев». 4) При производстве стрельб должны быть приняты «охранительные меры для безопасности людей и животных». В случае невыполнения этих условий или захвата полком выгонной земли сверх отведенной, городская управа была вправе расторгнуть договор аренды. В свою очередь, от городских обывателей требовалось, чтобы скот во время стрельб не пасся не только на территории стрельбища, но и не приближался к нему ближе, чем на 100 м слева и на 150 м справа¹⁶.

Однако, впоследствии, ввиду разных причин, условия договора

¹⁵ Местная хроника // НГВ. 1896. № 12. Неофициальная часть. С. 2.

¹⁶ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 862. Л. 1–5 об.

изменялись. Уже к осени 1897 г. появляется необходимость расширения или даже перенесения места для стрельбища. Так, имеется донесение пристава 3-го стана Новгородского уезда, датированное ноябрем 1897 г., об осмотре места и «купле у владельцев земли, входящей в состав стрельбища для 85-го пехотного Выборгского полка». Впервые косвенно упоминается о близости стрельбища к д. Новая Мельница. Позднее осмотр местности и отвод земли как городской, так и частных владельцев в Новой Мельнице под стрельбище Выборгского полка новгородским уездным исправником в начале апреля 1899 г. был перенесен на конец месяца ввиду «покрытия земли водою». В марте 1899 г. пристав 3-го стана Попов просит у городской управы предоставить сведения, где и «какой мерою» ею предположено предоставить пехотному полку участок. Причем, по его оценке, для практических стрельб полку требуется участок размером 1500 шагов в ширину и 6500 – в длину, а по указанию губернского распорядительного комитета «отсутствие вблизи расположения полка пустопорожней городской земли не должно служить основанием к неотводу такой земли, далее от расположения полка находящейся». Управа настаивает на отсутствии другой свободной земли, кроме уже выделенной полку.

Новые наставления по обучению стрельбы, изданные в 1899 г., указывали на необходимость нахождения второй линии «закрятий» в 900 шагах от первой, тогда как на стрельбище Выборгского полка она располагалась лишь в 500 шагах. Кроме того, для ведения «перекидной стрельбы» требовалось устройство временного вала «высотой в 1 саж. и длиной около 7 саж.». Управа разрешила возведение временной насыпи с условием уничтожения ее после окончания стрельб и приведения местности в первоначальный порядок. По заявлению командира Выборгского полка с 21 июня 1899 г. стрельбы на отведенном военным участке проводиться не будут¹⁷.

В 1909 г. для участка, отведенного под стрельбище Выборгскому полку, с натуры был составлен план. По ситуации, изображенной на чертеже, можно определить местоположение стрельбища. Выделенный участок, имевший ширину 330 саж., был вытянут с востока на запад на 2167 саж. Его южная граница практически совпадала с линией нечетной стороны современной улицы Попова, продлеваясь далеко за реки Веряжа и Соковая. Стрельбище располагалось не только на территории городского выгона, но и занимало часть пахотных и сенокосных угодий крестьян деревень Новая Мельница и Коромыслово. Судя по плану, огневая позиция находилась где-то между современным торгово-развлекательным центром «Мармелад» и железной дорогой¹⁸.

19 июля 1909 г. специальной комиссией по определению и оценке

¹⁷ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 862. Л. 10, 12–12 об., 14–16 об., 19–21.

¹⁸ ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 48. Л. 94.

убытков, причиненных владельцам земель, отведенных под стрельбище 85-му пехотному полку, в результате стрельб, был составлен акт. В состав комиссии входили: член городской управы С. И. Петров, пристав 3-го стана Новгородского уезда Харламов, уездный земский начальник 5-го участка И. Е. Суханин, член Новгородской уездной земской управы С. К. Матвеевский, городской секретарь А. А. Левитт, представитель полка штабс-капитан Д. Е. Вамелкин. Присяжными оценщиками выступали крестьяне из Воскресенской и Троицкой слобод. При составлении акта присутствовали по два уполномоченных от крестьян деревень Новая Мельница и Коромыслово¹⁹.

Всего весной и в начале лета 1909 г. стрельбы производились в течение 22 дней (с 12 мая по 15 июня). Установленные комиссией убытки выражались в несвоевременной обработке полей из-за проведенных стрельб и больших расходов землевладельцев по найму работников. Так, работы по посеву овса на 10 десятинах и обработке пара («вывоз позема и запашка его») на 29 десятинах могли осуществляться только ночью, что удорожало их проведение. Ночной труд присяжные оценщики посчитали дороже дневного на 50 коп. Комиссия также признала необходимым возмещение расходов по найму у города выгона крестьянам Новой Мельницы и Коромыслово пропорционально количеству дней, когда из-за стрельбы пастьба скота на этих землях не велась. К убыткам были отнесены и потери города от неполучения им возможной арендной платы за выгонную землю для городского скота, отведенную под стрельбище. Любопытно, что «частная владелица» Е. Иванова от вознаграждения отказалась, а уполномоченные от крестьян Новой Мельницы с оценкою не согласились²⁰.

Между тем, по мнению начальства Петербургского военного округа (с подачи окружного юристконсультанта), «цифра понесенных городом убытков должна быть признана бесспорно неустановленной», а ходатайство о вознаграждении за отвод под стрельбище городской земли признано «неподлежащим удовлетворению». Об этом городской управе было доведено губернским распорядительным комитетом за личной подписью губернатора П. П. Башилова. По этому вопросу между городским самоуправлением и распорядительным комитетом началась довольно длительная письменная тяжба²¹.

Вопрос о размерах вознаграждения за убытки, причиненные стрельбою Выборгского полка, снова возник в конце весны 1910 г. Теперь в числе «потерпевших» уже значился и владелец Знаменской писчебумажной фабрики, расположенной около д. Новая Мельница,

¹⁹ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 1–4; Ф. 423. Оп. 1. Д. 48. Л. 35.

²⁰ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 2–4; Ф. 423. Оп. 1. Д. 48. Л. 37–39.

²¹ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 6–15; Ф. 423. Оп. 1. Д. 48. Л. 41–41 об.

А. Т. Шитов. Одновременно была назначена комиссия по отведению земель под стрельбище 4-му батальону 93-го пехотного Иркутского полка. По всей вероятности, речь шла о месте, выделяемом Выборгскому полку. А в сентябре 1910 г. комиссия определяла убытки, причиненные крестьянам, городу и частным владельцам в ходе стрельб Иркутского полка²².

Составление актов или протоколов об ущербе являлось результатом практически всех проводимых военными полевыми занятиями на стрельбищах. Зачастую последствием их становились длительные споры и разбирательства сторон о величине вознаграждений и правомочности их требования²³.

Комиссии для определения убытков от проведения стрельб создавались в дальнейшем не только после регулярных занятий линейных полков, но и после производства стрельб запасными нижними чинами и ратниками ополчения, призванными на учебные сборы, конвойной командой, жандармской и уездной полицейской стражей. Причем, конвойные команды и ратники ополчения стреляли из ружей Бердана²⁴.

Среди статей по убыткам появлялись и такие, как «за плохой урожай» овса и озимых вследствие несвоевременного посева или обработки пара, потерь от простоя лошадей и работников, снижения доходности угодий, в связи с вынужденным «запуском» пахотной земли под пастбище из-за ежедневной стрельбы и т. п. Зачастую представители комиссии справлялись у городского самоуправления о ценах на сено и арендную землю, о количестве пасущегося скота, а также с целью уточнения площади, занимаемой стрельбищем. В докладе городской управы, представленном на рассмотрение думы 14 октября 1911 г., говорилось, что в последние 2–3 года город получает соответствующее вознаграждение «сообразно количеству земли, продолжительности времени стрельб и средней доходности десятины <...> выгона»²⁵.

Примечательно, что понятия оценщики из крестьян, привлекаемые к участию в определении убытков, вынуждены были давать клятвенное письменное обещание в своей объективности. Звучало это так: «обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым Евангелием и животворящим Крестом, что не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне

²² ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 16–18 об.

²³ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 1–15, 26–28; 36 об., 40; Ф. 423. Оп. 1. Д. 48. Л. 11–12, 15–15 об., 18–18 об., 21–22, 37–41 об., 49–50 об., 89–89 об., 103–104 об.

²⁴ ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 50–51, 57–58, 111.

²⁵ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 23–24 об., 26–28, 36 об., 40–42, 48–48 об., 65–65 об., 70–71, 78.

известного, помятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом...». Причем, для приведения к клятве из губернского центра специально приглашали священника. Например, священник городской Фроловской церкви Константин Колмовский только в 1897 г. трижды вызывался для принятия подобной «присяги». Позднее он около года добивался вознаграждения («проездных») в размере чуть более 3 руб. за эти «явки»²⁶.

Имеются сведения и о проведении в окрестностях Новгорода в феврале 1908 г. и в марте 1910 г. «батарейных боевых стрельб по снегу» войсками 22-ой артиллерийской бригады. Условиям стрельб «удовлетворял» участок, расположенный «от моста через р. Малый Волховец, вдоль Московского шоссе до д. Вишерская с одной стороны, а с другой к югу от шоссе через д. Шолохово-Кирилловское по направлению на р. Мшагу». В протоколе осмотра отводимого участка в 1910 г. его границы уточняются так: «от четвертой версты вдоль Петербургско-Московского шоссе от Новгорода до полустанка Мшашка с одной стороны, к югу от шоссе от погоста Ковалева по прямому направлению на северный угол владений Нишеславского (?), затем вдоль опушки большого леса на протяжении трех с половиной верст, а от этого места по прямому направлению на полустанок Мшашка». В избранный для стрельбища участок, кроме леса, входило 600 десятин пашни и покосов крестьян селений Шолохова и Никольской слободы. Представители последних вместе с капитаном Шамшевым от бригады, членом Новгородской уездной земской управы А. В. Кораблевым и понятыми из крестьян деревень Деревяницы и Спас-Нередицы участвовали в осмотре места и составлении протокола. Впрочем, созданной позднее комиссией было определено, что причиненных в результате стрельб убытков нет²⁷.

В феврале 1911 г., «вследствие бывших случаев вылета пуль из тира», 85-й пехотный полк оказался лишен возможности пользоваться тиром далее. Начальник хозяйственной части полка обратился в городскую управу с прошением о разрешении перенести имевшийся при тире домик, из которого производилась стрельба, на городской выгон, отведенный под стрельбище. Причем, подчеркивалась «настоятельная необходимость» в том для полка, и указывалось, что занятия стрельбой должны вестись непрерывно в течение целого года. Осенью 1911 г. одновременно с переносом «избушки» командование полка уже предполагало переместить на стрельбище и сам тир, что позволяло снять оцепление при проведении стрельб. По мнению военных, перенос тира был бы и в интересах окрестного населения, которое, благодаря установке тира, получало свободу передвижения в районе стрельбища.

²⁶ ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 36. Л. 61, 62, 70, 76–77, 103.

²⁷ ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1 об., 4, 5–6, 8–8 об.

Каким образом ветхий тир мог обезопасить местных обывателей, остается неясным. Зато ответственность за выполнение условия управы о сносе тира по первому ее требованию командир Выборгского полка принять на себя отказался, сославшись на зависимость таких работ от финансирования из казны²⁸.

Осенью 1911 г. городские власти разрешили Выборгскому полку проведение новых земляных работ на стрельбище для приведения его в «лучший вид». Работы выражались в прокладке «продольной» дороги к дальним «закрытиям», в очистке имеющихся и сооружении новых осушительных канав, а также улучшении состояния валов. По мнению землемера Л. Ф. Никлевского, «продолжение существующей дороги от губернской тюрьмы мимо католического кладбища <...> и проведение другой дороги, направление которой пока еще не выяснено и будет зависеть от технических условий стрельбы», в местности, лишенной путей сообщения, весьма желательно и повысит стоимость городской выгонной земли. Городская дума, соглашаясь с заключением землемера, постановила также обязать военных соорудить переходные мостки через канавы для безопасности скота при прогоне²⁹.

В конце мая 1912 г. в городскую управу поступило заявление от пастухов 1-й части города Дементия и Петра Казимировых с жалобой на «большие неудобства для пастбы обывательского скота» от производимых воинскими частями стрельб. Скот не только лишался возможности «пользоваться травой» на определенных частях выгона, но и возникал риск потери животного от случайной пули. Отметим, что стадо, которое пас Петр, насчитывало 160 голов, а под «предводительством» Дементия находилось 200 животных³⁰.

В августе 1913 г. между городской управой и командованием Выборгского полка возникли очередные разногласия. Военные просили отменить прописанный в договоре пункт о двухчасовом перерыве в стрельбах. Ввиду того, что смена оцепления занимала весь промежуток перерыва, то получалось, что оцепление стрельбища осуществлялось практически «беспрерывно», а потому и «бессменно» было перекрыто движение по нему. С точки зрения руководства полка, прогон скота на водопой более безопасно и без остановки можно было бы осуществлять вблизи д. Григорово. Кроме того, осенью намечалось проведение стрельб «остроконечными пулями, которые бьют почти на версту дальше, чем старые». По причине чего полк ходатайствовал об отведении дополнительно под оцепление стрельбища местности, расположенной за речкой Соковой, по крайней мере, на версту.

Управа не согласилась удовлетворить ходатайство военных,

²⁸ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 19–20, 50–50 об., 53.

²⁹ Там же. Л. 29–31 об., 35–35 об.

³⁰ Там же. Л. 47.

ссылаясь на необходимость для скота в водопое именно в указанное в договоре время, тем более принимая во внимание наступивший жаркий период. Увеличение протяженности стрельбища не могло быть удовлетворено, так как примыкающая к нему земля была сдана городом в долгосрочную аренду крестьянам д. Рязанки. Городские власти, в свою очередь, призвали полковое начальство к установке предусмотренных ранее мостков для перехода скота через канавы.

Однако вскоре последовало спешное распоряжение губернского распорядительного комитета за подписью губернатора М. В. Иславина, предписывавшее управе немедленно удовлетворить ходатайство командования 85-го пехотного полка об удлинении стрельбища за счет земель владельцев и арендаторов, предоставив последним денежное вознаграждение. Одновременно городским властям рекомендовалось «приискать» другое место водопоя для скота³¹.

В донесении одного из членов комиссии по отводу места под стрельбище в начале сентября 1913 г., в частности, говорилось, что «ввиду изменений боевых пуль, как надлежало (по словам штабс-капитана Рябинина) еще не испытанных, в предупреждение могущих произойти несчастных случаев, ширину стрельбища пришлось увеличить вместо прежних 330 саж. до 900 саж.» Таким образом, в границах оцепления стрельбище стало занимать фактически весь городской выгон площадью до 300 дес., лишая водопоя городской скот. Помимо того, оказалось, что продлить стрельбище «вглубь» не представляется возможным в связи с тем, что границы городского выгона простирались лишь до Веряжи, а за рекой находились владения крестьян. Откомандированный на переговоры с частными собственниками земли член управы С. И. Петров сообщал, что владельцы смежных участков земли Штрейс, Киблер, Борисов и другие, «ни за какую плату» отдавать в аренду свои участки не согласились, так как земля на них обрабатывалась под пашню³².

Весной 1914 г. городской рогатый скот 1-й части города оказался практически лишен пастбищных угодий и возможности водопоя на Веряже. Солдаты Выборгского полка занимались стрельбами ежедневно, кроме праздников, с утра и до вечера. Войсковое оцепление, дежурившее почти у самого Нехинского тракта, не пропускало скот на водопой даже во время перерывов в стрельбе. В конце апреля пастух Петр Казимиров «нижайше» просил управу выделить другое место для пастбы городского стада, а также назначить кого-нибудь из управы посмотреть на месте условия пастбы «во всякое время» и дать ему возможность «оправдаться перед обывателями», отдавшими ему пасты свой скот. Позднее, в середине мая, из его обращения в управу видно,

³¹ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 60–61 об., 63–63 об.

³² Там же. Л. 65–65 об., 68–69.

что для водопоя скота используется, пока в нем есть вода, Морозовский ручей, но из-за его пересыхания с первой половины июня для стада нужно будет искать новое место водопоя³³.

Дорога на «военное поле» (стрельбище) пролежала от казарм Выборгского полка мимо губернской тюрьмы. В 1913–1914 гг., ввиду намечавшихся работ по переустройству и расширению тюрьмы, возник вопрос о принадлежности участка земли под дорогой рядом с тюремным замком. К работам по установлению границ и составлению плана владений на местности были привлечены городской землемер Л. Ф. Никлевский и инженер С. А. Рухин. В середине августа 1914 г., когда выяснилось, что дорога находится на территории владений тюремного ведомства, губернская тюремная инспекция довела до сведения начальника Новгородского отделения по квартирному довольствию войск Петроградского военного округа, что дорога на стрельбище возле тюрьмы будет закрыта. Городская управа вместе с военным ведомством были вынуждены озаботиться поиском нового места пути для войск при следовании тех на учения³⁴.

У Гвардейского запасного кавалерийского полка, квартировавшего в Кречевицких казармах, было свое стрельбище, где проводились как курсовые, так и инспекторские смотровые стрельбы. Оно располагалось севернее Кречевиц в районе верховьев ручьев Иванский и Крутой и среднего течения ручья Новинский на участке казенной оброчной статьи под названием «Пастьба». Протянувшись в северо-восточном направлении на 1430 саж., стрельбище, в основном, занимало надельные земли крестьян первой половины д. Котовицы, которым военное ведомство вынуждено было оплачивать потери, нанесенные проведением стрельб³⁵.

Несколько ниже Кречевиц по течению Волхова, на противоположном берегу квартировал 88-й пехотный Петровский полк. Неподалеку от муравьевских казарм, в которых размещался этот полк, находилась местность под названием «военное поле», принадлежавшее инженерному ведомству. Там обычно пехотинцы и занимались стрельбой. Примечательно, что в конце 1900-х гг. в период проведения стрельб из своих домов выселялись крестьяне-новопереселенцы из курляндцев д. Никитской (в другом источнике – Никитской-Расчистки), получившие наделы на смежных со стрельбищем землях. За доставленные при выселении «неудобства» им была установлена плата. Поначалу, в 1907 г., за «своевременное» выселение им платили по 120 руб., вместо 200 руб., просимых ими. Впоследствии была установлена поденная «такса»: с 1 ноября по 15 апреля каждому домовладельцу

³³ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1494. Л. 77, 80.

³⁴ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1839. Л. 1, 6–10.

³⁵ ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 57. Л. 17, 24, 25–25 об., 26, 36, 39.

причиталось ежедневно по 1 руб. 50 коп., а в остальное, более теплое время цена выселения снижалась до 1 руб.³⁶

С наступлением Первой мировой войны большинству военных, проходивших обучение на стрельбищах под Новгородом, пришлось показывать свои навыки в боевых условиях на фронтах. Заметно поредевший состав новгородского гарнизона продолжал периодически пользоваться стрельбищем Выборгского полка.

Подводя итоги, можно говорить о наличии в период с 1870-х по 1910-е гг. в ближайших окрестностях Новгорода нескольких мест, используемых войсковыми частями для стрельб. Участок городской выгонной земли за Петербургской заставой на второй версте слева от Петербургского шоссе, по-видимому, до второй половины 1870-х гг. был наиболее традиционным местом, которое отводилось под стрельбище. Уточним его местоположение: он находился в четверти версты западнее («левее») железнодорожного полотна. Валу «закрытый» располагались параллельно дороге на Григорово. Участок имел длину не менее 1200 шагов. Расположение валов вблизи и вдоль григоровской дороги, с определенной степенью вероятности, позволяют предположить, что стрельбище находилось к югу от нее. Скорее всего, жалобы окрестных землевладельцев, в частности, К. Ф. Масловского, связанные с опасностью для жизни людей и скота, а также с хозяйственными убытками от проводимых стрельб, вызвали необходимость в переносе стрельбища на новое место.

Другим местом для стрельб и учений служил участок земли, именуемый «Вересьем», на выгоне за Никольской слободой. Участок в той местности периодически использовался и до описываемого периода, по крайней мере, в начале 1870-х гг. Он располагался севернее поворота дороги на Деревяницкий монастырь, протягиваясь в сторону Хутынского монастыря. Судя по тому, что иногда в архивных материалах ведется речь о возможном перенесении вала и вовлечении в отвод земель частных владельцев, то, по всей видимости, отводимый участок мог меняться в размерах и незначительно перемещаться в зависимости от вида и цели учений. Площадь участка, согласно прошению военных, могла занимать от 1 версты в ширину до 3 – в длину. Из-за его удаленности и малопригодности командование воинских частей порой отказывалось от предоставляемой там земли.

В 1894 г. Выборгским полком была арендована земля под стрельбище на выгоне 1-й Софийской части на трехлетний срок. В дальнейшем эта территория, на которой военными были проведены работы по осушению и благоустройству, стала постоянным местом для проведения стрельб и другими воинскими подразделениями. Сначала отведенный участок, протянувшийся от восточной границы городского

³⁶ ГАНО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 36. Л. 2, 34, 45–46; Д. 60. Л. 13–14.

выгона до р. Веряжи, имел ширину лишь 80 саж.³⁷ Впоследствии, располагаясь параллельно Нехинскому шоссе и гранича с землями крестьян деревень Новая Мельница и Коромыслово, он расширился до 900 саж. и удлинился далеко за р. Соковую, занимая площадь почти в 300 дес.

Известны случаи, когда вблизи Новгорода предоставлялась земля для батарейных учебных и боевых стрельб 22-й артиллерийской бригаде. Отведение таких участков имело место как на городском выгоне за железнодорожным полотном южнее дороги в Григорово, так и на местности за Малым Волховцем.

Взаимоотношения городских властей с квартировавшими в городе воинскими частями были неоднозначными, а порою и просто конфликтными. Вопрос о выделении войскам земель для стрельб и учений не являлся исключением. Военному командованию хотелось получить для вверенных им подразделений близко расположенные и наиболее удобные для занятий городские земли. Местные власти, сталкиваясь с нехваткой пастбищных угодий, денежными потерями для городской казны при бесплатном выделении военным земли, наконец, жалобами обывателей на причиняемые им неудобства и возникавшую при стрельбах опасность для жизни людей и животных, во-первых, почти всегда не спешили с удовлетворением ходатайств командования, во-вторых, старались обставить договор с войсками рядом условий, зачастую для противоположной стороны неприемлемых. Нередко они просто отказывали в отводе или расширении участка по причине отсутствия свободной земли, предлагая военным обращаться к земству или частным владельцам. Впрочем, как правило, в результате подобных тяжб городская управа под давлением губернского начальства почти всегда вынуждена была изыскивать возможности к удовлетворению, в той или иной степени, запросов военного ведомства.

С конца 1900-х гг. городское самоуправление стало регулярно получать вознаграждение из государственной казны за денежные потери от отвода выгонной земли под стрельбища. Одновременно горожане и окрестное деревенское население, понесшие убытки из-за невозможности проведения полевых работ в срок на участках, выделенных для стрельб или граничащих с ними, имело возможность получения денежной компенсации от военных за причиненный ущерб.

³⁷ Территория пашни в районе пересечения современных улиц Попова и Кочетова являлась в 1950–1960-х гг. излюбленным местом сбора пуль от винтовок Мосина и Бердана № 2 у подростков, живущих вблизи железнодорожного вокзала.

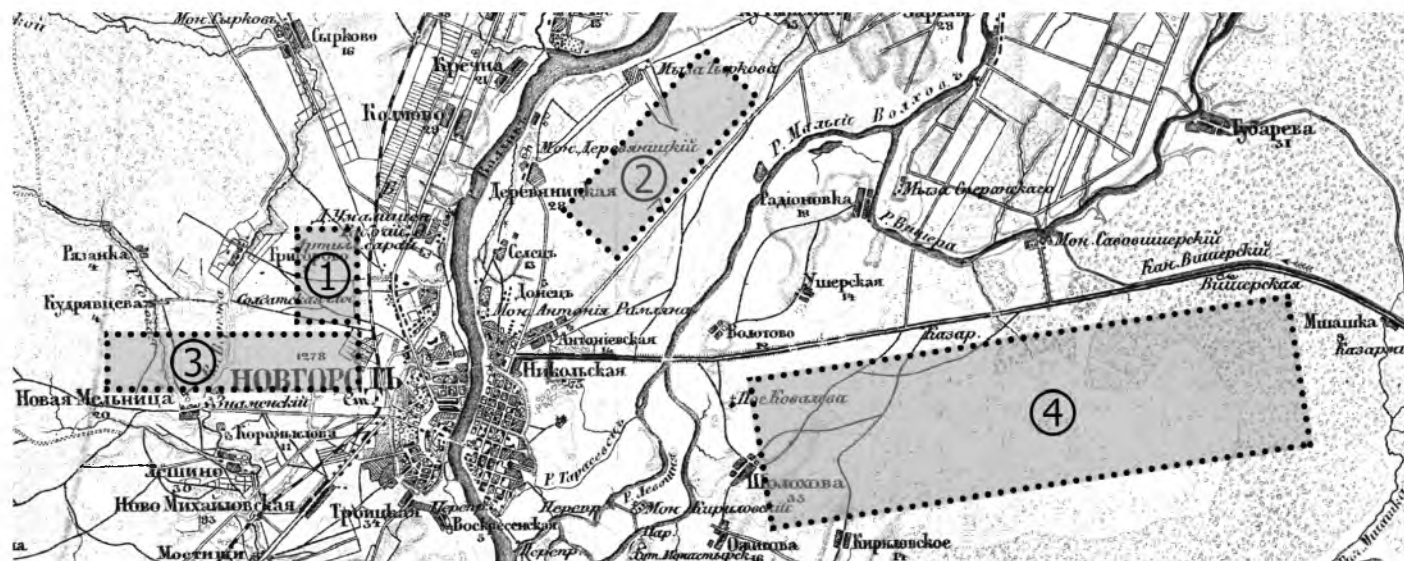

Рис. 1. Схема расположения стрельбищ и полигона в окрестностях Новгорода в конце XIX – начале XX в. (реконструкция автора)

Условные границы территории стрельбищ:

1 – до 1876 г.; 2 – вторая половина 1870-х – 1880-е гг.; 3 – 1894–1910-е гг.; 4 – артиллерийский полигон